

ДВА МАЛЕНЬКИХ БАНДИТА ДЛЯ ЕГЕРЯ НИКИТЫ

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева

**Два маленьких бандита
для Егеря Никиты**

«Автор»

2026

Соболева У.

Два маленьких бандита для Егеря Никиты / У. Соболева —
«Автор», 2026

Когда московская мамочка Валя с шестилетними двойняшками Ромой и Катей отбивается от туристической группы и, заблудившись, попадает к домику угрюмого егеря Никиты Ивановича, начинается настоящая война миров! Он — бывший военный, двадцать лет прячущийся от людей в лесной глуши. Она — городская принцесса, которая боится каждой букашки и требует немедленной эвакуации с GPS-навигатором. Но пока взрослые ругаются — она считает его опасным дикарём, а он её истеричной мамашей, — дети уже всё решили за них. Но разве в тайге всё бывает так просто?

© Соболева У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ульяна Соболева
Два маленьких бандита для Егеря Никиты
Два маленьких бандита для Егеря Никиты

Аннотация

Когда московская мамочка Валя с шестилетними двойняшками Ромой и Катей отбивается от туристической группы и заблудившись попадает к домику угрюмого егеря Никиты Ивановича, начинается настоящая война миров! Он — бывший военный, двадцать лет прячущийся от людей в лесной глуши. Она — городская принцесса, которая боится каждой букашки и требует немедленной эвакуации с GPS-навигатором. Но пока взрослые ругаются — она считает его опасным дикарем, он ее истеричной мамашей — дети уже решили все за них... Но разве в Тайге все бывает так просто?

Глава 1

Господи, за что мне это? За грехи молодости, что ли? Я же просто хотел проверить капканы, а тут... Мать честная, что за цирк у моего дома развернулся!

Сначала думал — медведица с медвежатами забрела. Шум-то какой! Но медведица хотя бы рычит по делу, а тут... тут визг стоит, как будто целый детский сад в котел с кипящей водой упал.

Подхожу ближе, а у моего домика — картина маслом! Сидит тетка в розовой куртке (розовой, Карл!), размером примерно с небольшой холодильник, и ревет белугой. Рядом двое карапузов копошатся в моих дровах, как кроты в огороде. Один малой пытается из поленьев что-то строить, второй — девчонка — моего кота Генерала тискает, бедолагу.

— Мама, не плачь! — орет мальчишка. — Мы дом построим! Как у Робинзона!

— А котик больной, — заявляет девчонка, разглядывая моего одноглазого воина. — У него глазик болит. Надо лечить!

Тетка в розовом всхлипывает пуще прежнего:

— Здесь же медведи! И волки! И... и комары!

Стою, смотрю на это безобразие и думаю: «Вот же черт, туристы добрались и до моей глуши!» А ведь специально в самую задницу мира забрался, чтобы от людей подальше. Двадцать лет покоя имел, двадцать лет! И вот тебе — нате, получите и распишитесь.

Кашляю громко. Вся компания на меня оборачивается. Тетка аж подпрыгивает от страха, дети наоборот — глаза распахивают, как будто Деда Мороза увидели.

— Простите, — начинает тетка дрожащим голосом, — мы заблудились. Скажите, где тут ближайшая гостиница? Или хотя бы автобусная остановка?

Смотрю на нее, как на инопланетянку. Гостиница! В тайге! Да тут до ближайшей деревни сорок километров по медвежьей тропе.

— Гостиниц тут нет, — говорю сухо. — И остановок тоже.

У тетки лицо становится цвета ее куртки.

— Как нет?! А где мы тогда ночевать будем? У меня дети маленькие! Им нужен душ, теплая кровать, детское питание!

Мальчишка бросает свое строительство и подбегает ко мне:

— Дядя, а ты живешь в настоящем лесу? А медведей видел? А волков? А можно твой дом посмотреть?

Девчонка тоже приплелась, но с котом в обнимку:

— Дядя, а почему у котика один глазик? Его кто-то обидел? Можно я его полечу?

Генерал, старый служака, терпеливо сносит детские ласки. Он у меня уже семь лет, после того как браконьеры дробью его зацепили. Тогда еще думал — зачем мне это полуслепое чудо? А теперь вот... лучший друг, можно сказать.

— Отойдите от человека! — визжит тетка. — Он может быть... опасным!

Опасным! Да я для них опаснее, чем любой медведь. Медведь хотя бы просто съест и не будет мучить долго. А я их тут терпеть должен до утра, слушать их причитания.

— Меня зовут Валентина, — представляется тетка, явно собравшись с духом. — Валентина Найденова. А это мои дети — Рома и Катя. Мы от туристической группы отстали...

Найденова! Ну надо же, как в воду глядел. Хотя скорее уж «потерянова» какая-то.

— Северский, — буркаю в ответ. — Никита. Иванович.

— Очень приятно, Никита Иванович, — защебетала Найденова. — Скажите, а у вас есть мобильная связь? Мне нужно срочно позвонить в МЧС, пусть нас заберут.

МЧС! Ну конечно, куда же без них. Сейчас они тут вертолеты посадят, всю живность распугают, следы затопчут...

— Связи нет, — отвечаю коротко. — До ближайшей вышки километров тридцать.

У Найденовой глаза наполняются слезами. Опять зарыдает сейчас.

— Как нет?! А что нам делать?! Я же городской человек! Я в лесу ни разу не ночевала! У меня аллергия на пыльцу! А у детей астма может начаться от дыма костра! Рома вон недавно болел...

Астма от дыма костра! Да наши предки тысячами жили у костров, и ничего — здоровее нас были. А эти тепличные... Впрочем, чего от них ждать.

Мальчишка — Рома, кажется — тем временем принялся обследовать мой домик:

— Дядя Никита, а почему у тебя окна такие маленькие? А зачем столько дров? А это что за штука? — тычет пальцем в мой радиоприемник.

— Рома, не трогай чужие вещи! Катя, отпусти кота он может быть бешеным! — одергивает его мамаша.

Бешеная тут пока что только она.

— А откуда у котика шрам? — не унимается девчонка. — И почему он такой грустный? Ему больно?

Генерал грустный... Ну да, есть такое. После ранения характер у него испортился. Раньше игривый был, а теперь сидит, думает о чем-то своем. Философ, одним словом.

— Он не грустный, — говорю. — Он умный. Думает.

— О чем он думает? — серьезно спрашивает Катя.

— О том, как хорошо жить в лесу. Без городских.

Намек Найденова не понимает. Или понимает, но игнорирует.

— Никита Иванович, — снова начинает она, — может быть, вы знаете, как добраться до трассы? Я заплачу за проводника...

— Тридцать километров пешком, — отвечаю. — По медвежьим тропам. Ночью. С детьми.

Лицо у нее становится зеленоватым.

— А... а может быть, мы могли бы у вас переночевать? — голос дрожит. — Я понимаю, что это неудобно, но...

Вот оно! Именно этого я и боялся. Сначала «переночевать», потом «а можно еще на денек», а там глядишь — поселятся насовсем. Знаю я этих городских. Сначала в лес за романтикой ездят, потом жаловаться начинают, что комаров много и удобств нет.

— У меня тут не гостиница, — говорю жестко.

— Но мы же пропадем! — всхлипывает Найденова. — У меня дети!

Дети тем временем уже освоились. Рома притащил откуда-то мою старую удочку и пытается ее «починить»:

— Дядя Никита, а эта палка сломана? Можно я ее склею?

— Это удочка, — объясняю.

— А зачем такая длинная? А почему веревочка тонкая? А крючок зачем?

Вопросов у пацана как у следователя. И все по делу, надо признать.

Катя тем временем обнаружила мою аптечку:

— Ой, а это что? Лекарства? Можно котику укольчик сделать? У меня дома есть игрушечный шприц!

— Катя, положи это немедленно! — визжит мамаша. — Это же опасно!

Опасно... Да что в ней опасного, в аптечке-то? Зеленка, йод, бинты. Максимум — расстройство желудка от активированного угля будет. И то скорее наоборот.

Солнце уже клонится к горизонту. Скоро темнеть начнет. А эти городские в темноте через лес не поведут — переломают себе все, что можно. Да и детей жалко. Не их вина, что мамаша их в лес потащила без мозгов.

— Ладно, — вздыхаю тяжело. — Ночевать оставайтесь. Но утром — марш отсюда.

Найденова расцветает как подснежник на солнце:

— Спасибо! Огромное спасибо! Мы вам очень благодарны! Мы не будем мешать, честное слово!

Не будут мешать! Да у меня уже голова болит от их галдежа. А впереди еще целая ночь...

— Ура! — вопит Рома. — Мы будем жить в настоящем лесу! Как индейцы!

— А я буду лечить всех зверушек! — подхватывает Катя.

Генерал посмотрел на меня своим единственным глазом так укоризненно, что я чуть не рассмеялся. Мол, хозяин, совсем ты сдался. Раньше и собачников отсюда гнал, а тут целый детский сад принял.

— Только правила соблюдать будете, — говорю строго. — Мой дом — мои порядки.

— Конечно-конечно! — кивает Найденова. — А какие правила?

— Первое — без разрешения ничего не трогать. Второе — за территорию участка не ходить. Третье — животных не дразнить и не кормить всякой гадостью.

— А что такое гадость? — спрашивает Катя.

— Конфеты, печенье, чипсы — вся ваша городская отравка.

Найденова возмущенно сопит:

— Извините, но это не отравка, а нормальные продукты! Дети должны получать углеводы и витамины!

— Витамины они и в лесу получают. А углеводы... — показываю на поленницу. — Вон дрова есть, наколете — картошку печь будем, углеводов на всю зиму хватит.

Она смотрит на меня, как на сумасшедшего. А я усмехаюсь. Ничего, поживет пару дней в лесу — быстро городские замашки отобьются.

Рома тем временем добрался до моего рабочего стола:

— Дядя Никита, а это что за карты? А эти значки что означают? А почему тут красные крестики?

— Это карта заповедника, — объясняю. — Красные крестики — места, где животных раненых находил.

— Ты ветеринар? — восхищенно спрашивает Катя.

— Егерь. Лес охраняю.

— А от кого охраняешь? — интересуется Рома.

Хороший вопрос. От кого... От таких же туристов, как они. От браконьеров. От дураков, которые костры не тушат. От всех, одним словом.

— От плохих людей, — говорю коротко.

— А хорошие люди есть? — спрашивает Катя.

Задумываюсь. Восемь лет назад я бы сказал «нет». А сейчас... Смотрю на эту девчонку с серьезными глазами, на пацана, который мою карту изучает как боевую сводку, и думаю: «А может, и есть...»

— Есть, — отвечаю. — Редко, но есть.

Найденова тем временем принялась осматривать мой домик:

— А где здесь туалет? И душ? И кухня?

Туалет! Душ! Да что она думает — я тут пятизвездочный отель содержу?

— Туалет за домом, в будке. Душ — речка в ста метрах. Кухня — вон плита, — показываю на свою печку-буржуйку.

Лицо у Найденовой вытягивается в трубочку:

— Как это — в будке? А если дождь? А речка же холодная! А плита... на дровах?!

— А вы как думали? — усмехаюсь. — Что тут газопровод проложен?

Дети зато в восторге:

— Мама, как интересно! — пищит Катя. — Как у древних людей!

— А можно я дрова принесу? — спрашивает Рома. — Я сильный!

Найденова хватается за голову:

— Рома, ты еще маленький! Можешь спину надорвать!

Спину надорвать от пары поленьев! Да в его возрасте я уже печку сам топил и воду из колодца носил. А этот небось даже мусор дома не выносит.

— Ничего не надорвет, — говорю. — Мужик растет.

Рома расправляет плечи и гордо марширует к поленнице. Настоящий солдат! А вот мамаша за ним увязалась — контролировать, небось.

Катя подходит ко мне с Генералом на руках:

— Дядя Никита, а можно я котику сказку расскажу? Мама говорит, больным сказки помогают.

Генерал, старый циник, даже не сопротивляется. Видать, и ему детская ласка приятна.

— Рассказывай, — разрешаю.

И вот сижу я, суровый лесной отшельник, слушаю, как шестилетняя девчонка рассказывает моему коту сказку про Колобка. А кот мурлычет — первый раз за полгода!

Эх, Никита, Никита... Куда ты своих принципов подевал? Раньше от детского плача в соседних деревнях затычки в уши совал, а тут... Видать, старею. Добреть начинаю.

Но ничего, утром все закончится. Отведу их к дороге, и снова будет мне тишина и покой. А Генерал пусть привыкает обратно к одиночеству. Хватит ему сказки слушать!

Хотя... а вдруг не хватит?

Глава 2

Господи, во что я влипла! Сажу в какой-то избушке на курьих ножках, вокруг дремучий лес, а рядом... рядом сидит настоящий дикарь! Волосатый, немытый, в клетчатой рубашке, которая, кажется, помнит еще динозавров. И смотрит на меня, как волк на бабушку Красной Шапочки.

Нет, хуже — как медведь на банку с горчицей!

А дети... О боже, дети! Они носятся по этой берлоге, как угорелые, и все хватают, все исследуют. Рома уже успел разобрать какой-то непонятный механизм (я подозреваю, что это был радиоприемник), а Катя... Катя пытается сделать «операцию» одноглазому коту при помощи моей зубочистки!

— Катенька, положи это немедленно! — шиплю я, пытаюсь отобрать у дочери импровизированный скальпель. — Не трогай кота!

— Мама, но коту же больно! — возмущается дочь. — Видишь, он плачет!

Смотрю на кота. Честное слово, никаких слез не вижу. Наоборот, морда у него такая довольная, как будто его в первый раз за год погладили. Но объяснять это шестилетнему ребенку... Это как пытаться доказать блондинке, что дважды два не пять.

— Котик не плачет, он... он просто устал, — выдумываю на ходу.

— Генерал не устал, — вмешивается в разговор наш «гостеприимный» хозяин. — Он просто старый. И умный. В отличие от некоторых.

Намек понимаю сразу. Хамлю лесное! Да я за свои годы уже три университета закончила, а он тут сидит, как Робинзон Крузо, и еще умничает!

— Простите, — говорю с достоинством, — но мы люди цивилизованные. Мы привыкли к определенному уровню комфорта.

— Комфорт, — усмехается Северский. — Это когда задница к дивану приклеена, а мозги — к телевизору?

Возмущению моему нет предела! Да как он смеет! Я же мать-одиночка, я работаю, содержу детей, плачу ипотеку...

— Дядя Никита, — вмешивается Рома, — а почему у тебя так пыльно? Мама говорит, пыль — это мертвые клещи, и от них аллергия бывает.

Мертвые клещи! Я же говорила им об этом, когда мы убিরались дома! А теперь сын повторяет при посторонних, и звучит это... не очень умно.

— Рома, не говори глупости, — одергиваю сына.

— Это не глупости, — возражает наш хозяин. — Пыль действительно бывает от клещей. Только не мертвых, а живых. Микроскопических.

Рома хлопает глазами:

— А они кусаются?

— Еще как, — серьезно отвечает Северский. — Особенно городских. Они чувствуют, кто слабенький.

— Никита Иванович! — возмущаюсь я. — Не пугайте детей!

— Я не пугаю. Я просвещаю.

Просвещает! Ну и просветитель! Наверняка закончил три класса церковно-приходской школы и считает себя профессором.

Катя тем временем обнаружила умывальник — точнее, то, что этот дикарь считает умывальником. Эмалированный тазик с отбитыми краями и кувшин времен царя Гороха.

— Мама, а где кран? — спрашивает дочь. — И где мыло?

— Кран — это кувшин, — объясняет Северский. — А мыло — вон на полочке.

Смотрю на «полочку». На грубо сколоченной дощечке лежит кусок хозяйственного мыла размером с кирпич. Коричневого цвета. С волосами.

— Это не мыло, это... это что-то ужасное! — не выдерживаю я.

— Хозяйственное мыло, — спокойно поясняет хозяин. — От всех болезней помогает. И руки отмывает лучше любого вашего жидкого.

— Но оно же грязное!

— Волоски прилипли. Ничего страшного.

Волоски! Боже мой, это же антисанитария в чистом виде! Я представляю, какие микробы на этом куске...

— У нас дома мыло жидкое, — с гордостью заявляет Рома. — С запахом ванили. И пенится!

— Пенится, — кивает Северский. — От химии. А потом эта химия в реки стекает, рыбу травит.

Экологическая лекция! Не хватало еще, чтобы этот... этот лесной отшельник меня экологии учил!

— Извините, но жидкое мыло — это достижение цивилизации, — говорю назидательно. — Оно безопаснее и гигиеничнее.

— Безопаснее, — повторяет он. — А руки после него какие? Сухие, в трещинах?

А ведь правда... У меня после мытья руки всегда шершавые становятся. Приходится кремом мазать.

— Это... это индивидуальная особенность кожи, — выкручиваюсь.

— Конечно, — усмехается Северский. — Индивидуальная реакция на химию.

Рома тем временем добрался до печки:

— Дядя Никита, а где газ включается? А почему дрова внутри?

— Потому что печка дровяная, — терпеливо объясняет хозяин.

— А как она работает?

— Дрова горят, печка нагревается, в доме тепло становится.

— А если дрова кончатся?

— Новые наколю.

— А если топор сломается?

— Новый куплю.

— А если магазин закроется?

— Сам сделаю.

У Ромы глаза становятся круглыми, как блюдца:

— Ты умеешь топоры делать?

— Умею. И ножи. И посуду. И мебель.

Сын смотрит на Северского, как на супергероя. А меня это раздражает! Ну умеет он топоры делать, и что? В двадцать первом веке это не актуально! Сейчас важны другие навыки — владение компьютером, знание языков, умение работать в команде...

— Рома, — говорю сухо, — в современном мире важнее уметь пользоваться современными технологиями.

— А если технологии сломаются? — спрашивает сын.

Хороший вопрос. А действительно, что если? Если отключат электричество, если не будет интернета, если... Нет, глупости! Такого не может быть. Мы же в цивилизованной стране живем!

— Технологии не ломаются, — говорю уверенно. — Они постоянно совершенствуются.

— Угу, — кивает Северский. — Как на «Титанике». Тоже непотопляемый был.

«Титаник»! Какое сравнение! Это же совсем другое! Там айсберг был, форс-мажор...

Катя тем временем пытается навести порядок в доме. По ее мнению, конечно. Она расставляет какие-то банки по размеру, вытирает пыль своим платочком (платочком, который я специально взяла в поход!), и что-то напевает под нос.

— Катенька, что ты делаешь? — спрашиваю.

— Убираюсь, — отвечает дочь. — Здесь же очень грязно. Дядя Никита, наверное, не умеет убираться. Он же мужчина.

Северский фыркает:

— Умею. Просто не вижу смысла каждый день пыль протирать. Завтра она опять появится.

— А мама говорит, что дом — это лицо хозяйки, — сообщает Катя.

— Хозяйки, — повторяет Северский и смотрит на меня. — А если хозяин?

— Хозяин тоже должен следить за порядком! — возмущаюсь я. — Это же элементарная гигиена!

— Гигиена — это когда чисто. А у меня чисто. Пыль — это не грязь.

— Конечно, грязь! В пыли миллионы микробов!

— И в воздухе их не меньше. Что, воздух тоже протирать будете?

Логика железная, зараза! А ведь не поспоришь. Хотя... все равно это не повод жить в свинарнике!

Рома обнаружил книжную полку:

— Дядя Никита, а почему у тебя книги такие старые? И без картинок?

Смотрю на полку. Действительно, книги какие-то древние. «Следопыт», «Охотничьи рассказы», «Лесная энциклопедия»... И все потрепанные, зачитанные.

— Картинки в голове рисовать надо, — отвечает Северский. — А не в книжке искать.

— А как в голове рисовать? — интересуется сын.

— Читаешь слова, а мозг сам картинки показывает.

— Как кино?

— Лучше кино. Потому что твое.

Рома задумывается. Вижу, что его это заинтриговало. А меня опять раздражает! Дети и так мало читают, а он их еще больше запутывает своими философскими рассуждениями!

— Рома, — говорю строго, — книги с картинками развивают визуальное мышление. Это научно доказано.

— А книги без картинок развивают воображение, — парирует Северский. — Это тоже научно доказано.

Спорить не буду. Все равно этот медведь последнее слово за собой оставит.

Катя тем временем обнаружила еще одну проблему:

— Мама, а где мы спать будем? Здесь же только одна кровать.

Смотрю на «кровать». Деревянные нары, застеленные каким-то одеялом непонятного происхождения. Скорее всего, самодельным. И, судя по запаху, давно не стиранным.

— Мы... мы найдем что-нибудь, — неуверенно говорю.

— Спальные мешки в рюкзаке есть? — спрашивает Северский.

— Есть, но... — вспоминаю наши тонкие туристические спальники. — Они же летние.

А ночью в лесу холодно...

— Не замерзнете. Печку натоплю.

— А если она погаснет?

— Подброшу дров.

— А если вы заснете?

— Не засну.

Не заснет! Да как это — не заснуть? Человек же не робот!

— Люди не могут не спать, — возражаю. — Это физиологическая потребность.

— Могут. Если надо. В армии приучают.

Армия! Ну конечно, все объясняется. Военный. Наверняка контужен, поэтому и сбежал в лес от людей. А может, и того хуже — может, его по статье списали...

Рома слушает наш разговор и вдруг спрашивает:

— Дядя Никита, а ты на войне был?

Северский замолкает. По лицу пробегает какая-то тень.

— Был, — коротко отвечает.

— А стрелял в плохих людей?

— Рома! — одергиваю сына. — Такие вопросы не задают!

— Почему? — удивляется мальчик. — Дядя Никита же хороший. Он плохих наказывал.

— Не все так просто, малой, — тихо говорит Северский. — На войне не всегда понятно, кто хороший, а кто плохой.

В голосе появляется что-то такое... грустное. И я вдруг понимаю, что этот человек многое пережил. И сбежал в лес не от хорошей жизни.

Но сочувствовать не собираюсь! У всех проблемы есть, но не все же в дикарей превращаются!

Катя подходит к окну:

— Дядя Никита, а почему у тебя занавесок нет?

— Зачем занавески? — удивляется хозяин.

— Чтобы красиво было. И чтобы никто не подглядывал.

— Кто тут подглядывать будет? Медведи?

— А вдруг кто-то придет?

— Никто не приходит. До меня добираются только такие... потерявшиеся, как вы.

Опять намек! Да что он к нам привязался? Мы же не специально заблудились!

— Мы не потерявшиеся, — говорю с достоинством. — Мы временно дезориентированы в пространстве.

Северский смотрит на меня так, как смотрят на особо одаренных детей:

— Конечно. Дезориентированы. В двадцати километрах от ближайшей дороги.

— А как мы сюда попали, если так далеко? — спрашиваю.

— Кругами ходили. Часа три. Следы видел.

Кругами! Три часа! А я думала, мы целенаправленно идем...

— Невозможно! У нас компас есть!

— Покажите.

Достаю из рюкзака компас. Туристический, красивый, купленный в спортивном магазине за немаленькие деньги.

Северский берет его, крутит, качает головой:

— Китайский?

— Ну и что? Зато недорогой!

— Дешевое — значит плохое. Магнитная стрелка заедает.

Заедает! Не может быть! Я же проверяла его дома, на кухне, он прекрасно работал!

— Дома он работал отлично!

— Ну успел сломаться. Вы ж подешевле хотели.

То есть получается, что мы заблудились из-за неисправного компаса?! Да это же... это же обман покупателей! Я в магазин жалобу напишу!

— Безобразие! — возмущаюсь. — Продают бракованный товар!

— Не бракованный. Просто дешевый. За качество надо платить.

Опять мораль! Да откуда он знает, сколько этот компас стоил? Может, он как раз дорогой был!

Рома тем временем нашел новое развлечение — изучает содержимое банок на полках:

— Дядя Никита, а что это за зеленые огурцы? И почему они в банке плавают?

— Огурцы соленые. Я их сам засолил.

— А это?

— Грибы.

— А это?

— Мясо тушеное.

— Ты сам делал?

— Сам.

— А как?

— Да просто. Мясо в банку, соль, специи, и в погреб. Готово.

Рома в восхищении. А я в ужасе! Домашние консервы — это же ботулизм в чистом виде! Смертельно опасно!

— Детям нельзя домашние консервы! — выпаливаю. — Это может вызвать отравление!

— Если неправильно готовить — может. А если правильно — не может.

— А откуда вы знаете, что готовите правильно?!

— Двадцать лет ем — пока живой.

Логика опять железная! Но все равно это опасно. Мало ли, может, ему просто везет...

Катя обнаружила веник в углу:

— Дядя Никита, а почему у тебя веник такой страшный?

Смотрю на веник. Действительно страшный — какие-то корявые ветки, связанные веревкой.

— Березовый, — поясняет хозяин. — Сам делал.

— А в магазине нельзя купить?

— Можно. Но зачем, если можно самому сделать?

— А мама говорит, что лучше купить, чем делать самому, — сообщает Катя. — Потому что в магазине качество проверяют.

Северский смотрит на меня с усмешкой:

— Проверяют? Как ваш компас?

Попался! Ничего возразить не могу. Хотя... компас это частный случай! В целом-то магазинные товары качественнее самодельных!

— В магазинах есть сертификаты качества, — говорю назидательно.

— Есть, — соглашается Северский. — А толку?

И снова он прав! Проклятье, почему этот лесной философ всегда оказывается прав?!

Рома притащил с полки какую-то железяку:

— А это что?

— Капкан.

— А зачем?

— Браконьеров ловить.

— А кто такие браконьеры?

— Плохие люди. Зверей убивают. На продажу.

— А их можно наказывать?

— Можно. И нужно.

В голосе Северского появляются стальные нотки. И я вдруг понимаю — этот человек действительно опасен. Для браконьеров.

И почему-то от этой мысли мне становится не страшно, а... спокойно.

Хотя нет! Не должно быть спокойно! Он же дикарь! Неизвестно, что у него на уме!

Но дети к нему тянутся, как цветы к солнцу. И кот мурлычет. И в доме, несмотря на пыль и старье, как-то... уютно.

Нет! Это все иллюзия! Завтра мы уедем отсюда, и забудем этого странного человека, как страшный сон!

Хотя... а что если не страшный?

Глава 3

Никита

Господи, дай мне терпения! Или лучше дай мне ружье — быстрее покончу с мучениями.

Утром проснулся от такого грохота, как будто медведь решил в моей избе танцы устроить. Вылезаю из спального мешка (да, пришлось и мне на полу ночевать — джентльмен, мать его), а на кухне... на кухне творится такое, что армагеддон по сравнению с этим — детский утренник.

Найденова стоит у моей печки с видом полководца перед решающей битвой. Волосы растрепаны, как у Медузы Горгоны, на лице боевая раскраска из сажи, а в руках... в руках она держит мою кастрюлю, как щит, и размахивает половником, как мечом.

— Доброе утро, Никита Иванович! — бодро сообщает она. — Я решила приготовить завтрак!

О, мать честная! Это как если бы обезьяна решила провести операцию на мозге. Или как если бы медведь захотел станцевать лебединое озеро.

— Что... что вы делаете? — выдавливаю из себя, разглядывая поле боя.

Моя кухня выглядит так, как будто по ней прошел ураган, потом землетрясение, а следом — нашествие саранчи. Везде мука (откуда она ее взяла?!), на плите что-то шипит и воняет, а из печки валит черный дым, как из паровоза.

— Готовлю диетический завтрак для детей! — гордо заявляет Найденова. — Овсяную кашу с лесными ягодами и травяной чай!

Овсяную кашу! С лесными ягодами! Да она что, совсем ума лишилась?!

— Какие ягоды? — спрашиваю, чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом.

— А вот эти красивые красненькие! — показывает она на миску. — Рома нарвал целую горсть!

Смотрю в миску и чуть в обморок не падаю. Волчьи ягоды! Ядовитые, как змея после развода! От них такое расстройство желудка будет, что дети неделю из туалета не вылезут!

— Это же волчьи ягоды! — ору я. — Ядовитые!

— Как ядовитые? — бледнеет Найденова. — Но они же такие красивые!

— Мухоморы тоже красивые! Тоже будете в суп добавлять?!

Она роняет половник и хватается за сердце:

— Боже мой! А дети... они же могли...

— Где дети? — рывкаю я.

— На улице играют... они сказали, что нашли «съедобные корешки»...

Съедобные корешки! Да они там всю белладонну перепробуют!

Выскакиваю на улицу, как ошпаренный. Вижу картину — Рома и Катя сидят под березой и деловито жуют какие-то корни.

— Стоять! Выплевывать! Немедленно! — кричу, как командир в атаке.

Дети подпрыгивают от неожиданности. Рома едва не подавился корешком.

— Что это вы едите? — спрашиваю, стараясь не орать.

— Морковку лесную, — спокойно отвечает Катя. — Рома сказал, что она сладкая.

Беру у них из рук «морковку». Действительно, дудник обыкновенный. Съедобный. Даже полезный. Но они же не знали! Могли и болиголов нарвать!

— Слушайте меня внимательно, — говорю строго. — В лесу НИЧЕГО нельзя есть без моего разрешения. НИЧЕГО! Понятно?

— А почему? — удивляется Рома. — Звери же едят.

— Звери знают, что съедобное, а что нет. А вы — не знаете.

— А откуда звери знают? — интересуется Катя.

— Их мамы научили. А ваша мама сама не знает.

— А ты знаешь? — спрашивает Рома.

— Знаю.

— А научишь нас?

— Научу. Но потом. А сейчас идем завтракать.

Возвращаемся в дом. Найденова стоит у плиты и тычет в кашу ложкой, как будто пытается ее убить.

— Что-то она не получается, — сообщает она виноватым тоном. — Все время пригорает.

Смотрю в кастрюлю. То, что там творится, сложно назвать кашей. Скорее это какая-то серая масса с вкраплениями черных хлопьев. Пахнет горелой резиной.

— А что вы туда добавили? — спрашиваю.

— Овсянку, воду, соль... — перечисляет она.

— А это что? — тыкаю ложкой в черные хлопья.

— А... а это, наверное, от огня. Не могу понять, как регулировать температуру у этой печки.

Не может понять! Да тут все проще простого — подбросил дрова, стало жарче, убрал — прохладнее. Что тут сложного?

— А воды сколько налили?

— Ну... немного. Чтобы не жидкая была.

Пробую эту «кашу». Во рту сразу ощущение, как будто песком с цементом кормят. И соли она высыпала, наверное, полпачки.

— Мама, а почему каша такая странная? — спрашивает Катя, ковыряя ложкой серую массу.

— Это... это особый рецепт, — выкручивается Найденова. — Диетический.

— А можно я лучше хлеба поем? — робко просит Рома.

— Хлеба нет, — буркаю я. — Пеку сам, а вчера не успел.

— Как это — печете сам? — удивляется Найденова.

— А как по-вашему? Из воздуха материализую?

— Но ведь есть же магазины!

— До магазина сорок километров. За хлебом специально ездить?

Она задумывается. Видимо, впервые в жизни сталкивается с тем, что хлеб не растет на деревьях.

— А что же мы будем есть? — спрашивает она растерянно.

— То, что есть. Консервы, например.

— Но детям нельзя консервы! Там консерванты!

Консерванты! Да у меня консервы домашние, без всякой химии!

— В моих консервах только мясо и соль.

— А как же витамины? Дети должны получать витамины!

— Получат. На улице полно витаминов растет.

— На улице? — ужасается она. — Но это же антисанитария!

Антисанитария! Да вся ее цивилизованная еда из коробок и пакетов — вот где настоящая антисанитария!

Рома тем временем принялся изучать мои запасы:

— Дядя Никита, а почему у тебя так много банок?

— На зиму заготавливаю.

— А зачем? Зимой же тоже можно в магазин ходить.

— Зимой дороги заметает. Месяцами добраться нельзя.

У мальчишки глаза становятся круглыми:

— Совсем нельзя?

— Совсем.

— А как же продукты?

— А вот так, — показываю на банки. — Заготовил летом — зимой ешь.

— Как белки! — восхищается Катя. — Они тоже на зиму запасы делают!

— Точно как белки, — соглашаюсь.

Найденова слушает наш разговор с таким видом, как будто мы рассказываем ей о жизни на Марсе.

— Но ведь это же... это же средневековые какое-то! — возмущается она.

— Это жизнь, — отвечаю спокойно. — Настоящая жизнь.

— Настоящая жизнь — это когда есть интернет, отопление, водопровод!

— Это комфорт. А жизнь — это когда сам себя обеспечиваешь.

Катя подходит к окну:

— Дядя Никита, а почему твой котик на улице сидит?

Смотрю в окно. Генерал действительно сидит на крыльце и смотрит куда-то в лес. Настоятельно так смотрит.

— Что-то почуял, — говорю. — У него нюх хороший.

— А что он мог почуять? — интересуется Рома.

— Всякое. Зверя. Или людей.

— Каких людей? — тут же напрягается Найденова.

— Всяких. Туристов. Грибников. Браконьеров.

При слове «браконьеры» у нее лицо становится зеленоватым.

— А... а они опасные?

— Всякие бывают. Но обычно трусливые. Увидят, что дом жилой, стороной обходят.

— А если не обойдут?

— Тогда объясню им, что тут им делать нечего.

— А как объясните?

Показываю на ружье в углу.

— Понятно как.

Найденова бледнеет еще больше:

— Но это же... это же самосуд!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.